

Два дня спустя дядюшка Кан и госпожа Ван прибыли в поместье Шен. Чанбай отправил сообщение Минлань: здесь твой отец, брат и муж, тебе нужно просто хорошо позаботиться о пожилой госпоже. Это предложение являлось плодом совместного творчества Ханню и Хай Ши.

Минлань, ощущая себя нехорошим человеком, с радостью сразу последовала этому совету и воспользовалась добротой своего брата. Она честно осталась в зале Шоу'Ань и болтала о всяких глупостях с бабушкой, прочитала ей пару буддистских писаний и время от времени рассказывала какие-нибудь новости. Периодически она спрашивала о том, как продолжает развиваться эта ситуация.

По словам Сяотао, Шен Хун неплохо показал себя за последние два дня.

Когда пришёл дядя Кан, он принял застенчивый вид и, сохраняя спокойствие, сообщил, что для семьи Ван будет плохо, если их дочь получит развод, поэтому они наверняка начнут противиться и просить его подумать и в конце концов добьются её возвращения обратно в поместье Кан. Дядя Кан был очень напуган и, опасаясь, что его «превосходная» жена выпутается в n-ый раз, поклявшись небесами, взял на себя инициативу по отправке её в департамент Шеньцзе, и в спешке ушёл.

Когда пришла госпожа Ван, Шен Хун преисполнился праведным негодованием.

Самым главным было то, что Ван Ши ушла с высоко поднятой головой, перед этим выразив покаяние, и, уходя, выглядела как мученица, которая собиралась читать священные писания в семейном храме в течение десяти лет. Госпожа Ван хотела сказать несколько слов своей дочери, но та ушла, даже не взглянув на свою мать.

Госпожа Ван ощущала себя беспомощной во всех отношениях. Осознав, что у неё не получится ничего изменить, она, наконец, кивнула в знак согласия.

В летний день было очень трудно слоняться под дверями и окнами, поэтому Сяотао позвала Ханню во время перерыва, чтобы он отведал холодного супа из бобов мун, и рассказал ей о происходящем.

—... За последние два дня старший молодой господин произнёс в своих покоях едва ли пять слов, — пожаловался Ханню, уставший из-за тяжёлой работы. — Через три-четыре дня главная госпожа отправится в Йоуян и всё будет хорошо... Хотя вряд ли станет легче и спустя десять дней... — ему казалось, что этот день никогда не закончится.

На третий день три семьи собрались в поместье Шен, чтобы договориться о мероприятии. Госпожа Ван пообещала отправить свою дочь в департамент Шеньцзе, дядюшка Кан неоднократно обещал, что никогда не станет принижать детей, рождённых женой, а Шен Хун обещал относиться к своим племянникам также, как и раньше.

Во второй половине того же дня все подготовили повозки и обходными путями поехали к департаменту внутренних дел. Евнух, который руководил подразделением Шеньцзе, был знающим и осведомленным человеком, Гу Тинъе позаботился об этом двумя днями ранее. Евнух не стал задавать вопросов о том, что совершила тётушка Кан, дело уже было решено и ничего не могло быть изменено.

Связав тётушку Кан и заткнув ей рот, её бросили в повозку, затем провели по обшарпанному коридору, заросшему бурьяном. По бокам от неё возвышались толстые стены из зелёных кирпичей, а вдалеке едва виднелись алые и жёлтые крыши.

Она не знала, что произошло, пока несколько сухих и равнодушных женщин в грубой одежде не втолкнули её в отдалённую тёмную комнатушку. Она вырывалась, боролась изо всех сил. Семья Ван, идущая позади, забеспокоилась.

— Дочь, это департамент Шеньцзе, — со слезами на глазах произнесла госпожа Ван. — Тебе будет хорошо здесь. Я буду часто приходить...

Эти слова прозвучали словно гром среди ясного неба, тётушке Кан показалось, что она ослышалась. Департамент Шеньцзе?! Как она сможет жить такой жизнью?! Разве она свинья или собака?! Она была избалованной дочерью богатой семьи!

Она хныкала до тех пор, пока женщина рядом с ней не вытащила из её рта тряпку. Как только это произошло, она завопила как сумасшедшая:

— Как ты могла отправить свою дочь в такое место?! Как ты можешь звать себя матерью? А ты — разве ты брат?! Вы хотите, чтобы я умерла?! Вы такие жестокие! Из-за богатств семьи Шен вам наплевать на вашу плоть и кровь!

Её глаза были налиты кровью, она выглядела, как обезумевший зверь, который желает только рвать зубами плоть и кожу людей. Она напугала свою семью до смерти.

— Зачем ты родила меня, раз не хочешь меня спасти?! Разве ты мать?! Ты всегда называла меня добродетельной женщиной, а теперь я не так хорошо, как ты хочешь, и ты просто бросаешь меня?! Ты не моя мать, ты сука!..

Младшая дочь теперь ненавидела её, а старшая была так сильно обижена. Госпожа Ван не выдержала и закашлялась кровью, и потеряла сознание. Увидев, что его матери плохо, дядюшка Ван поспешно подхватил её, и с холодным лицом обратился к сестре:

— Ты разбила матери сердце, ты так обидела её! Раз я тебе не брат, а она не мать, то и ты отныне не будешь моей сестрой!

Сказав это, он вышел, держа свою старую мать. Некоторое время внутри и снаружи царил хаос, через некоторое время внутрь вошла женщина средних лет в одеждах чиновника и грустно сказала:

— Ты такая непослушная и непочтительная, совершенно никакой дисциплины, не так ли? Тебя пора дисциплинировать.

Тётушка Кан начала было ругаться, но женщина-чиновник протянула руку и ударила её по лицу с такой силой, что у неё зазвенело ушах. Она была до тех пор, пока её щёки не распухли, а уголки рта не потрескались и не начали кровоточить.

— Каким бы грязным не был твой рот, я продолжу учить тебя. Это я жестока или твоя жестокость привела к этому? — лицо женщины-чиновника ничего не выражало.

Половина лица тётушки Кан онемела от боли, она была на грани обморока, но верёвки держали её крепко, и она не могла двигаться, поэтому она могла только стиснуть зубы и сказать:

— Если ты хочешь, чтобы я страдала из-за тебя, то я скорее умру!

Женщина-чиновник не выказала никаких эмоций.

— Советую не искать здесь смерти, — равнодушно произнесла она. — Здесь много кто умер, и никто после не горевал. Ты будешь жить, расплачиваясь за свои ошибки, и за каждую попытку самоубийства будешь наказана.

Сказав это, женщина-чиновник повернулась и вышла, а затем четверо грубых крепких старух раздели тётушку Кан, сняв с неё атлас и украшения, и швырнули в неё комплект одежды из грубого сукна. Ей пришлось стерпеть боль на лице и, ругаясь сквозь зубы, с ненавистью надевать заплесневелые одежды.

Двери и окна были закрыты, как и всех людей, тишина пугала тётушку Кан, она паниковала всё сильнее. Неужели она действительно оказалась в ловушке в этом месте, где живут призраки, и останется тут до конца своей жизни? Нет, она была не согласна! Она должна была выйти, она всегда могла выбраться, и в этот раз тоже сможет! Никто не смеет запугивать её, она старшая дочь семьи Ван!

В этот момент раздался скрип, дверь наполовину приоткрылась и внутрь медленно вошла женщина средних лет. Глаза тётушки Кан тут же загорелись, она бросилась к ней и схватила её за руку.

— Хорошая невестка, вы, наконец, здесь!.. Я... Я...

Тётушка Ван мягко высвободила свою руку и, не скрывая удовлетворения, посмотрела на распухшие щёки и грубую одежду сестры своего мужа.

— Я пришла сюда попрощаться с вами. Первоначально это должна была произнести Ваша мать, но теперь она на пороге смерти, так что я вынуждена была прийти.

— Я, должно быть, лишилась рассудка! — расплакалась тётушка Кан. — Я на самом деле оскорбила свою мать!.. Я умоляю матушку прийти ко мне, я должна поклониться ей и признать свою ошибку!.. Мой брат тоже разозлился на меня, и я умоляю невестку попросить его за меня, сказать ему что-нибудь приятное, чтобы он помог спасти меня...

— Ха-ха, вы, должно быть, шутите. Вы очень умны и талантливы, так почему вы ничего не знаете о правилах департамента Шеньцзе? Если вы однажды вошли туда, вы не можете выйти, если нет приказа императора. Вы хотите, чтобы мы пошли во дворец и угрожали людям, чтобы спасти вас? — тётушка Кан прикрыла рот рукой и улыбнулась.

Тётушка Кан снова схватила её за руку и встряхнула её.

— Тогда скажите моему брату, чтобы он пошёл и попросил императора! — с тревогой произнесла она.

— Ха-ха, вы так высокомерны! Жаль, что вы не понимаете, что за ваши проступки вы не заслуживаете увидеть даже красоты неба, что уж говорить о том, чтобы просить милости! — тётушка Ван рассмеялась ещё сильнее.

— Мой отец — достойный чиновник, служивший трём династиям! — сердито закричала тётушка Кан. — Его табличка стоит в павильоне Минчен! Император не может быть милостив ко мне?!

— Сменился император, сменились придворные, года прошли. К тому же, что насчёт третьего господина Гао? Его привлекли к ответственности несколько лет назад, хотя его отец также служил трём династиям.

Тётушка Кан в отчаянии отпустила её руку, ей было очень страшно.

— Неужели нет никого, кто мог бы попросить императора?

— Есть только два родственника, которые могут поговорить с императором, — холодно ответила тётушка Ван. — Один из них — хоу Гу, а другой Ван Анъяна. Но... — она улыбнулась. — Неужели вы думаете, что семья Шен, вернее их шестая дочь, стала бы просить своего мужа о милости? Или что наложница вашего мужа захочет, чтобы её дочь просила за вас, чтобы вы

вернулись?

Тётушка Кан заскрежетала зубами, Минлань ненавидела её, поэтому она могла надеяться только на дочь наложницы Цзин.

— Что насчёт наложницы Цзин? Если эта жалкая дочь наложницы, заслуживающая смерти, посмеет быть непослушной, я продам её мать!

Тётушке Ван было очень смешно, она покачала головой и улыбнулась.

— Не беспокойтесь о продаже других. Никто из ваших доверенных лиц, включая старшую служанку Ци, не сможет помочь. Они будут отправлены в Юньнань в ближайшие два дня.

— Почему это?

— Как вы думаете, семья Ван позволит спокойно жить тем, кто знает об этом деле? К тому же, эти слуги не только не позаботились о том, чтобы вы избежали ошибки, но и помогли вам. Они все получают по заслугам.

Тётушка Кан топнула ногой от злости.

— Мне всё равно, мне всё равно, мне всё равно нужно выйти! Я попрошу маму подумать об этом, и брата подумать об этом, потратить деньги, отправиться к...

— Перестаньте мечтать, вы не сможете выйти, — перебила её тётушка Ван, не желая больше слушать чепуху. — Как вы думаете, вы попали внутрь? — она усмехнулась и с сарказмом продолжила. — Когда я впервые услышала об этом деле, вам предлагали на выбор шёлковую верёвку и письмо о разводе. Семья Шен не желает сдаваться. В конце концов, ради достоинства семьи Ван и ради вашей жизни, мы можем только согласиться на департамент Шеньцзе.

— Я знал, что моя мать ставит на первое место достоинство семьи Ван! Если семья Кан хочет развода, я могу уйти! Я могу жить без семьи Кан! — сердито ответила тётушка Кан. — Это лучше, чем страдать здесь!

— Вы не единственный ребёнок семьи Ван. У вашей матери есть другие дети и внуки, о которых нужно заботиться. Вам не стоит принимать это близко к сердцу, ведь вы, всё же, сможете хотя бы видеть небо, — усмехнулась тётушка Ван.

— Невестка так счастлива, похоже, она не могла дождаться, когда увидит меня такой несчастной! — сердито воскликнула тётушка Кан, вздёрнув подбородок.

— Вы правы, — откровенно признала тётушка Ван.

— Ты!.. — тётушка Кан была в ярости.

— Все говорили, что семья Ван — хороший брак, и свекровь, и супруг — оба хорошие люди, но кто же знал, что я повстречаю такую злобную невестку, как вы, — тётушка Ван поправила волосы, на её лице читалась многолетняя обида. — Я с самого начала знала, что у моего мужа есть две сестры. Каждый раз, приходя в мой дом, вы разыгрывали сцены перед своей матерью, были придирчивы, устанавливали свои правила и провоцировали меня и своего брата. Вы думаете, я ничего не знаю? Хмф, я знаю всё! Я должна была изо всех сил стараться угодить вам, будто это вы были моей свекровью! Ха! — от воспоминаний о тех унижительных днях в сердце тётушки Ван вспыхнула ненависть. — В том году, когда я родила Ю и его старшую сестру, вы подталкивали свою мать к тому, чтобы она подарила моему мужу наложницу! Я много раз плакала тайком, ночами просыпалась в страхе! К счастью, ваш брат нежен, а мать разумна, так что ничего не произошло. Но сейчас, слушая ваши слова, я не думаю, что вы несчастны! Вы не смеее жаловаться на свою жизнь, ведь получили то, чего заслуживали!

Лицо тётушки Кан дёрнулось, она никогда не воспринимала эту невестку всерьёз, и она не ожидала...

— Я с нетерпением ждала этого момента и вы, наконец, уйдёте из нашей жизни!.. Кто знал, что это будет так прекрасно... — тётушка Ван насмешливо смотрела на неё. — Я так долго не могла забеременеть, моя мать ходила молиться Гуаньинь, кланялась и просила милости на горе Фэнся! Я всё же смогла родить моего драгоценного Ю'эра... А затем вы сказали, что желаете, чтобы ваша дочь вышла за моего сына! И я должна была согласиться на это с улыбкой на лице! С того дня я действительно ненавидела всем сердцем!

Вспоминая о том, как волновалась её мать и она сама, как долго она пыталась зачать ребёнка, и как её мать молилась вместе с ней, преклоняя колени, она ощутила ещё большую ненависть.

— Вы не должны издеваться над моей дочерью из-за меня!.. — осознав, закричала тётушка Кан.

— Раньше я не осмеливалась и пальцем прикоснуться к ней и думала только о том, как подарить своему сыну хорошую наложницу, — подняв голову, рассмеялась тётушка Кан, хотя ей хотелось плакать. — Ха-ха, не волнуйтесь, я вернусь и найду хорошую семью. Мой брат уже ищет вторую жену моему сыну!

— Вторую жену?! Как ты смеешь?! — тётушка Кан шагнула вперёд, хватаясь за её одежду, и зарычала. — Как сможет Юань'эр выжить, если она не родит?! Пусть возьмёт служанку в наложницы и отдаст её ребёнка на воспитание законной матери!

— Юань'эр полна решимости не иметь детей! Вы думаете, вы всё ещё старшая дочь семьи Ван, которая может что-то требовать? — тётушка Ван оттолкнула её локтём. — Посмотрите в зеркало!

— Откуда ты знаешь?! Может быть, это из-за вас! — тут же ответила тётушка Кан. — Ты так

жестоко! Она твоя племянница! А теперь и твоя невестка!

— Я не желаю иметь такую невестку, как Юань'эр, — расправив рукава, холодно произнесла тётушка Ван. — Я не хочу даром содержать её и терпеть её выходки, я ненавижу пристрастность свекрови, и я не собираюсь больше выносить это. Когда она вошла в нашу семью, она уже была достаточно взрослой, и она была непочтительной ко всем! Я всего лишь сказала ей несколько слов о её поведении, сделав небольшой выговор, и она тут же побежала в дом к своей матери, чтобы пожаловаться! Что же вы сказали ей?!

Когда тётушка Кан вспомнила об этом, она покрылась холодным потом.

— Вы сказали ей, что моя свекровь слишком стара, чтобы заботиться о таких вещах, а ваш брат и его сын слишком честны! Когда она умрёт, и я умру, никто не будет контролировать её и вся семья Ван будет в её руках! Вы дали Юань'эр много «хорошего». Хм, как жаль, что ваша дочь узнала только о вашей злобе, но не о ваших интригах! Она так сильно доверяла окружающим её людям и так много рассказала им, что мне сразу стало всё понятно! — она хмыкнула. — Если люди не нападают на меня, я не нападу на них. Юань'эр больше не может напасть на меня, но я воспользовалась возможностью. Я отправила людей в бордель, чтобы они принесли мне самое лучшее лекарство, и дала его ей. Она никогда в жизни не сможет иметь детей! Она может даже не мечтать об этом!

Тётушка Кан закричала и кинулась на неё, чтобы расцарапать ей лицо, но споткнулась и тяжело упала на пол.

— Это была моя идея! — закричала она. — Вы можете подать в суд и наказать мать, зачем нападать на ребёнка!

— А что, если вы подадите в суд в ответ? Свекровь всегда была к вам равнодушна. На этот раз семья Шен приложила все силы своей семьи, чтобы наказать вас! Вы очень способная, и я не смею игнорировать это, — усмехнулась тётушка Ван.

— Я расскажу матери о том, какая ты ядовитая женщина!

— Следующий раз, когда департамент Шеньцзе откроет двери, случится в первый месяц следующего года. К тому времени вся наша семья уедет на провинциальные должности, включая вашего брата. Он не сможет оставаться в столице после случившегося, поэтому нашёл хорошее место в Цзяннане. Там же, с тёплым климатом и водой, свекровь сможет выздороветь, оправляясь от болезней. Если, конечно, не произойдёт никакого несчастного случая, — она понизила голос, в её глазах читалась улыбка. — На этот раз вы очень разозлили свою мать. Лекарь сказал, что ситуация нехорошая, и что старые болезни вернулись. Кто знает, как долго она сможет прожить? Как часто у неё будут припадки?

Холод сковал сердце тётушки Кан, она осела на пол. Она очень хорошо знала, что тело её матери пребывало в нестабильном состоянии много лет, если её некому будет защищать, она не сможет покинуть это место ни на дюйм. Кто бы мог подумать, что на этот раз всё так

обернётся! Во всём была виновата девушка из семьи Шен, которая настаивала на расследовании до конца!

— Ваши руки в таком хорошем состоянии, — подняв свои и осмотрев их, произнесла тётушка Ван. — В таком возрасте они всё ещё белые и гладкие, как у маленькой девочки. Увы, в будущем вам придётся рубить дрова, стирать одежду и делать другую тяжёлую работу, несмотря на обморожение и мозоли... Тц-тц, какая жалость... — она медленно подошла к двери и, обернувшись, улыбнулась ещё раз. — Юнь'эр добросердечный ребёнок, который был благословлён хорошим мужем. Думаю, ей будет слишком неловко идти в семью Шен и просить милости для своей матери после того, что вы сделали. Что касается Юань'эр... Она ведёт себя невоспитанно и властно, и, кажется, такая же преступница. Раз уж она сошла с ума, я найду ей двор, чтобы она могла выздороветь. Не волнуйтесь, сестрица, пока я жива, я заставлю её жить и помогу выздороветь.

Едва она вышла за дверь, как услышала вопль тётушки Кан, смешанный со множеством злобных ругательств, а немолодая чиновница приблизилась, как призрак, и прошептала:

— Госпожа, не беспокойтесь, хотя принято, что родственники могут видеть заключённых дважды в год, правила устанавливают люди. Когда придёт день, она не сможет выйти к родственникам, поскольку заболела, вот и всё.

Есть множество влиятельных людей, которые хотели бы закрыть в департаменте Шеньцзе неугодных, но не у всех получается сделать это. Таким образом служащие могли зарабатывать деньги, поэтому в этом не было ничего удивительного.

Тётушка Ван улыбнулась.

— Это будет так сильно раздражать мою сестру. Каждый год я буду посылать подношения. Пожалуйста, позаботьтесь о ней.

Даже если сказанное сегодня выйдет за пределы департамента, никто не поверит словам сумасшедшей. Она не оставила никаких улик. Даже если Кан Цзинь и Юнь'эр узнают об этом, вряд ли они поверят ей, ведь, проверив, ничего не найдут. А затем госпожа Ван умрёт, и она закончит начатое.

После многих лет унижений тётушка Ван действительно была несказанно счастлива.

Думая о том, что она, наконец, избавится от этой проклятой напасти, что её муж не должен будет больше вполголоса умолять о пощаде и каждый год копить серебро, чтобы оплачивать растраты своей сестры, она была счастлива. И её сын сможет быть счастливым — на этот раз она должна тщательно выбрать девушку, основываясь на её характере, добродетели и внешности — и не важно, какого она будет происхождения.

Когда тётушка Ван вышла на улицу, членов семьи Кан уже не было, как и семьи Шен. Из-за

внезапной болезни свекрови муж отбыл домой первым, поэтому она взяла другую повозку. Подумав, она не вернулась домой, а направилась вначале в поместье Шен.

Войдя в поместье, она отправилась на поиски Ван Ши, чтобы утешить её и поговорить с ней. Она была напугана и огорчена, и со слезами поблагодарила её:

— Я знаю, что моя невестка добра ко мне, но я ненавижу собственную сестру за то, что она решила причинить мне вред!..

Тётушка Ван вздохнула. Хотя у этой младшей сестры мужа тоже был скверный характер, но она никогда не строила козней и была довольно наивной, поэтому она искренне жалела её. Тётушка Ван слышала, что её дочь, Жулань, теперь была более стабильной и воспитанной, и семья её мужа была в целом довольна ею. Увы, нельзя было теперь попросить в жёны сыну Жулань, а всё из-за этой мерзкой Кан, которая разрушила брак её сына.

— Мой безжалостный злой сын сказал мне отправляться через два дня, — высморкавшись в платок, пожаловалась Ван Ши, всё ещё плача. — Он сказал... Что я должна отправиться раньше, чтобы десять лет закончились быстрее!

Этот мальчик действительно был таким жестокосердным! Он даже написал письмо и отправил его, написав там дату её отъезда! И попросил повесить эту дату на стене в поместье семьи, в храме, чтобы она смотрела на это число и знала, сколько ей ещё отбывать наказание! Этот злой ребёнок всё ещё прикидывался щедрым, и говорил, что через десять лет спустя она сможет вернуться как раз вовремя, чтобы вся семья могла отпраздновать вместе праздник середины осени!

У-у-у! Она не могла смириться с этим!

Однако, Хай Ши тайно сказала ей, что когда гнев пожилой госпожи Шен утихнет и её сердце смягчится, она попробует поговорить с ней и, возможно, Ван Ши сможет вернуться на несколько лет раньше. Она также прислала ей чистую книгу, которую сшила сама. На белоснежной шелковой бумаге была нарисована сетка прямыми и тонкими линиями. Хай Ши сказала, что сделала это для того, чтобы её свекровь смогла за эти несколько лет выучить больше иероглифов и попрактиковаться в каллиграфии. И, естественно, переписать несколько буддистских писаний для пожилой госпожи Шен в знак покаяния.

У-у-у, у неё действительно была хорошая невестка, почтительная и внимательная, но, к сожалению, у Ван Ши действительно не было лица, чтобы встретиться с ней сейчас.

Более того, малышку Хуэй с детства нянчила Ван Ши, и она каждый день обнимала свою бабушку, чтобы уснуть. Однако три дня назад Чанбай забрал дочь, и маленькая внучка долго держалась за её платье и плакала. Да, ей не хотелось уходить, сердце Ван Ши было разбито. Только в этот момент она ощутила настоящие угрызения совести.

Небеса видят всё, у неё не должно было быть злых намерений и злых мыслей, и теперь они наказали её.

Тётушка Ван убедила Ван Ши посетить свекровь в зале Шоу'Ань.

Они увидели пожилую госпожу Шен, чей цвет лица становился всё лучше, и она склонилась, чтобы поговорить с Цюанем. Хай Ши смеялась и веселилась со своим младшим сыном, которому было всего несколько месяцев, а Чанбай делал выговор своей младшей сестре, однако голос его был слишком тих, поэтому ничего невозможно было расслышать.

Тётушка Ван искренне произнесла много слов, желая ей выздоровления, и, поскольку она не знала, рассказали ли уже пожилой госпоже Шен об отравлении, она не стала упоминать об этом. Пожилая госпожа Шен отвечала ей с улыбкой на лице. Чанбай, Хай Ши и Минлань также поблагодарили её. Увидев, что семья Шен по-прежнему добра к ней, тётушка Ван почувствовала облегчение и, сказав ещё несколько слов, попрощалась.

Так как Хай Ши держала ребёнка, Чанбай потащил Минлань провожать гостей, и затем остановился с ней у крыльца. Проводив тётушку Ван взглядом, Чанбай повернул голову и хотел было снова заговорить, но Минлань схватила его за руку и взмолилась:

— Брат, не ругай меня! Я поклонилась отцу, чтобы извиниться, что тебе ещё нужно?

— Слова — это слова, главное, что в твоём сердце, — сурово ответил Чанбай. — Извиняясь, ты делала это не от всей души.

— Пожалуйста, брат, я действительно понимаю, что я была не права, я не должна была усугублять ситуацию, самовольно сажать свою тётю под домашний арест и арестовывать людей...

— Нет, с этим всё в порядке, — ответил Чанбай. — Если бы здесь был я, я бы сделал тоже самое.

— Тогда... Где я ошиблась?.. — Минлань была ошеломлена.

— Ты не должна полагаться на положение своего мужа и его способность противостоять твоему отцу, — Чанбай постучал Минлань по лбу. — Даже если твой отец не прав, он всё ещё твой старший, как ты можешь открывать свой рот, чтобы угрожать ему? Как ты можешь быть таким ребёнком? Отец не безрассудный человек, он смог бы проанализировать ситуацию и взвесить все за и против, если немного подтолкнуть его. Путь мудрости очень силён, особенно в таком деле, когда затрагивается вопрос жизни и смерти. Где твоя обычная ловкость? Это было так топорно!

Лицо Минлань запылало, она не смогла найти ни одного возражения.

— Какой умный у меня брат, — пробормотала она. — Моя тётя отравила мою бабушку и пыталась уйти от суда, и если бы я не угрожала ему, главная госпожа не вернулась бы сюда спустя десять лет...

Глаза Чанбая расширились, он хотел сказать что-то в ответ, но Минлань поспешно сжалась и произнесла:

— Я не признаю свою ошибку. Отец не стал бы слушать меня, если бы я просто плакала или подавала ему чай!

Она хотела было подняться по лестнице, но внезапно ощутила тошноту и едва не выплюнула половину из того, что съела раньше. Увидев это, Чанбай помог ей вернуться, и они, войдя во внутреннюю комнату, увидели, как лекарь Линь проверяет пульс пожилой женщины.

— Разве мои слова неправильны? — продолжил увещевать Чанбай, ему не нравилось, что позиция признания ошибок у его сестры была крайне несправедливой.

Минлань покачала головой и махнула рукой, Хай Ши заметила, что что-то не так, и с беспокойством произнесла:

— Лицо моей младшей сестры было плохим все эти дни, и теперь, когда императорский лекарь Линь здесь, я попросила его осмотреть тебя.

Пожилая госпожа Шен тоже была озабочена этим и поспешно попросила Минлань сесть.

Императорский лекарь Линь с улыбкой опустил три пальца на запястье Минлань, через некоторое время его выражение лица изменилось, он кинул быстрый взгляд на Минлань и продолжил измерять пульс.

— Поздравляю, пожилая госпожа, главная госпожа, — встав, с улыбкой произнёс он, сложив руки перед собой.

В комнате было тихо. Чанбай опустил взгляд на каштаны, которые только что взял в руки, Хай Ши посмотрела на плоский живот Минлань, Цюань посмотрел на своего младшего брата, который уснул, Минлань сидела на диване.

— Как давно? — бессознательно глупо улыбнувшись, спросила она.

— Уже больше двух месяцев, — ответил императорский лекарь Линь, горько улыбнувшись. До этого он никогда не видел такой буйной беременной женщины. — Пульс ровный и сильный, главной госпоже не стоит беспокоиться. Вы просто сильно утомились за последние дни, вам нужно немного отдохнуть.

Попрощавшись, он покинул поместье Шен.

Пожилая госпожа Шен внезапно пришла в ярость и хлопнула рукой по кровати.

— Возвращайся домой быстро! Возвращайся сегодня же! — выругалась она, затем повернулась к старшей служанке Фан. — Иди и собери её вещи! Вместе с вещами её мужа! Ты лично отвезешь её в поместье хоу и передашь старшей служанке Цхуй, что ошибки недопустимы! — она снова хлопнула по кровати и указала пальцем на Минлань. — Ты! Ты беспечная глупая девчонка! Вы двое обманываете меня, едите и пьёте вместе со мной... Если вы посмеете задержаться тут хотя бы на секунду, я непременно сломаю тебе ноги!

Увидев, что её бабушка сильно рассердилась, Минлань поспешно обняла её и честно последовала за старшей служанкой Фан. Хай Ши, улыбнувшись, увела с собой Цюаня. В доме остался только спящий ребёнок, бабушка и её старший внук.

— Эта отвратительная женщина!.. — не выдержала пожилая госпожа Шен, она долго терпела.

Чанбай с улыбкой посмотрел на бабушку, а затем вдруг опустился на колени.

— Если не случится несчастного случая, ваш внук продолжит и дальше служить стране. Когда бабушка вылечится, я уеду вместе с сыном на новую должность.

Пожилая госпожа Шен молча смотрела на него, задумавшись.

— Бабушка уже всё знает, — тихо произнёс Чанбай.

— Старшая служанка Фан не могла скрыть это от меня, — горько улыбнулась пожилая госпожа Шен. — Возраст возрастом, но я не верю в подобные совпадения.

— Бабушка, поехали со мной. Я не так богат, как мой отец, но народные обычаи просты, а горы и реки прекрасны, — подняв голову, произнёс Чанбай. — Пейзаж неповторим, ты сможешь просто гулять и отдыхать, просто езжай со мной.

— У наложницы Вей было хорошее здоровье, но она ушла так рано, — вздохнула пожилая госпожа Шен. — Я просто хочу позаботиться о своей внучке. Это не ты подумал о прогулках, а она, верно?

— Разве это неправильно? — спросил Чанбай. — Я и твоя внучка, определённо, будем почтительны к тебе.

Глядя в пронизательные глаза своего внука, пожилая госпожа Шен снова вздохнула.

— Минлань понимает намерения своего отца, у неё всегда был темперамент, который пускает пыль в глаза. Шен Хун в этот раз действительно поставил её в неловкое положение и вынудил действовать... Увидимся в новом году, и забудем об этом.

— Я боюсь говорить об этом, но репутация пострадает, — ответил Чанбай. Отец и сын были связаны, и репутация Шен Хуна с отъездом Ван Ши пострадает, и, конечно, Чанбай, как старший сын, неизбежно будет замешан в этом. — Бабушке не о чем беспокоиться, мы просто скажем, что там есть знаменитый лекарь, и внук попросил вас поехать с ним, чтобы поправить здоровье.

— Остерегайтесь разрывать шкуру вола, — рассмеялась пожилая госпожа Шен. — Кто-то действительно может прийти к вам, чтобы найти этого известного лекаря.

— Тогда мы скажем, что этот лекарь путешествовал по миру, он вылечил болезнь бабушки, а затем ушёл, — улыбнувшись, ответил Чанбай.

Пожилая госпожа Шен покачала головой и улыбнулась, она вдруг почувствовала себя свободной, прошлое перестало казаться ей ненавистным.

Ханню, ожидающий за дверью, потел. Всё было кончено, это была катастрофа, старший молодой господин, кажется, слишком много говорил сегодня.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1876469>